

— Ну, эта змея ещё не наигралась, но я держусь и не дам ей посмеяться надо мной.

— Улэй, ты всё такой же упрямый. — Хуа Фэйбай с сожалением покачал головой.

— В детстве ты получил тяжёлую травму, и твой дух был повреждён, из-за чего ты не мог изучать магию. Но именно это сделало тебя идеальным сосудом для Кровавого гу. В тот день у священного источника тебе подсадили этот жестокий и коварный гу. Я тогда... моя духовная сила была ослаблена, и я не смог вовремя это заметить, что принесло тебе столько страданий.

Эти несколько фраз развеяли сомнения Цзюнь Улэй, заставив его вспомнить тот нелепый поступок:

— Маленький ублюдок, сегодня я дам тебе почувствовать, что значит предательство. Повеселись с духами, охраняющими источник, и наслались мучительной болью!

Он помнил, как маленький холодный флакон прижали к его губам, грубо разжали зубы и влили густую жидкость со странным запахом, которая мгновенно растворилась во рту...

Оказывается, ему подсадили Кровавый гу, а он даже не подозревал об этом. Этот гу был настолько коварен, что он не чувствовал никакого дискомфорта. Напротив, его аппетит усилился, и он мог съесть восемь больших булочек и полкило говядины за раз, при этом не обращая внимания на окружающий мир и продолжая сеять хаос.

— Фэй, ты... действительно с Мин Юем? — Наконец Цзюнь Улэй задал вопрос, который долго мучил его.

— У нас всё хорошо. — Хуа Фэйбай не стал много говорить, его взгляд, чистый, как ручей на Горе Безмятежности, не дал Улэю задать второй вопрос.

— А вот ты, в этот раз болезнь проявилась особенно сильно, и ты едва не был поглощён гу внутри тебя, погрузившись в иллюзию, из которой невозможно было вырваться, пока гу не проглотит бы твоё сердце и не убил тебя. Этот гу слишком силён, и только плод Хрустальной шелковицы из Иллюзорного царства песчаного Ямы, а также лечение от мастера смогут его уничтожить.

— Фэй, эта старая ведьма всегда была злобной, и лечить она может не лучше, чем убивать. Я не знаком с ней и не имею с ней никаких связей. Как она может согласиться лечить меня? — Подавив грусть, Цзюнь Улэй с подозрением поднял бровь, в душе чувствуя лёгкое беспокойство.

— И ещё, как ты оказался здесь? Неужели тебя поймала эта ведьма? — Цзюнь Улэй нахмурился, становясь всё более напряжённым, боясь, что тот из-за него согласился на какие-то чудовищные требования.

— Глупый, не думай об этом. У меня есть свои планы. Разве ты мне не доверишь?

Несмотря на ответ Хуа Фэйбая, Цзюнь Улэй всё ещё чувствовал тревогу, и его выражение лица стало серьёзным.

Внезапно он почувствовал холод на щеке, когда лицо Хуа Фэйбая приблизилось к нему, внимательно рассматривая его:

— Почему ты выглядишь, как старик? Ты всё ещё злишься на меня за то, что я ушёл без объяснений?

— ... Нет, я не злюсь. — Сказав это, Цзюнь Улэй почувствовал себя неловко.

Хуа Фэйбай смотрел на его смущённое лицо, его выражение стало мягким. Он отодвинул волосы с его лба, проводя пальцами по его вьющимся прядям, и тихо сказал:

— Прости, Улэй. У меня есть причины, которые я пока не могу объяснить, но я обещаю, что больше так не поступлю... Не сердись, хорошо?

На таком близком расстоянии он мог чувствовать, как дрожат его ресницы. Цзюнь Улэй замер, чувствуя, как его глаза наполняются слезами, а сердце бьётся быстрее.

Внезапно в его сердце мелькнуло странное чувство, но когда он попытался его ухватить, оно исчезло, будто что-то важное было упущено, но что именно, он не мог вспомнить.

Солнечный свет проникал сквозь густые ветви, оставляя на земле световые пятна, похожие на монеты.

— Улэй, сегодня я вижу, что ты стал такого же роста, как и я. — Хуа Фэйбай отступил на шаг, повернув голову к цветущим хайтангам вдалеке, его взгляд был спокоен. — Помнишь, когда я впервые увидел тебя, ты был маленьким, как тыква, мягким и крошечным, с лёгким запахом молока... Тогда я боялся взять тебя на руки, чтобы не сломать.

В глазах Хуа Фэйбая была лёгкая теплота, а на его красивом лице появилась мягкая улыбка.

Тот младенец с молочным голосом, который хватал его пальцы и смеялся, пуская слюни.

Тот малыш, который тащил его по долине, запуская воздушных змеев, и падал в грязь, превращаясь в маленького грязнулю.

Тот хитрый ребёнок, который ухаживал за ним, когда он болел, не спал ночами, и его лицо становилось жёлтым от усталости.

Тот юноша, который воровал жареных кур из Лотосового павильона и возвращался с синяками, но всё равно приносил их ему, улыбаясь.

Рынки, долины, лавки, винные магазины... Время словно повернулось вспять, и вчерашний день снова был перед глазами. В памяти эти живые образы были так знакомы, а голос юноши разносился по долине, то громче, то тише, будто рядом, но недостижимый.

— Я думал, ты вырастешь настоящим мужчиной, но в детстве ты был таким проказником, что мне приходилось постоянно за тобой следить.

— Помнишь, как ты не любил Железное Яйцо и постоянно подшучивал над ним, выдёргивая перья из его хвоста? — Хуа Фэйбай улыбнулся, его брови поднялись, как цветы хайтанга.

— Хм, я и сейчас не особо его люблю. — Цзюнь Улэй фыркнул, представляя ту большую, круглоголовую и глупую куропатку, которая всегда следовала за Хуа Фэйбаем, и на его лице появилось выражение презрения.

Хуа Фэйбай, увидев его детское выражение лица, как будто у него отняли что-то ценное, с улыбкой на губах, которая становилась всё шире.

В те дни маленький Улэй был мягким, как тесто, в своих кожаных ботинках, неуверенно бежал к нему, обнимал его ноги и лепетал: «Фэй, обними», смеясь и пуская слюни.

Солнце было ярким, и Цзюнь Улэй повернул голову, увидев его стоящим под деревом, его кожа была белее снега, длинные волосы свободно ниспадали на спину, а халат облегал его узкую талию, подчёркивая изящные линии его тела. Его шея, освещённая мягким светом, блестела, как нефрит, и казалось, что свет струился по ней, заставляя замирать дыхание.

Эта улыбка была всё такой же великолепной, но Цзюнь Улэй в его глазах уловил лёгкую усталость, почти незаметную, как иней на окне зимой, который может рассыпаться от одного прикосновения.

Воспоминания о том, как он смотрел на него с нежностью и заботой, теперь сменились холодным взглядом, который смотрел вдаль, без эмоций, даже не задерживаясь на нём, и это заставило Цзюнь Улэя почувствовать тревогу, которая росла в его сердце...

Несколько прядей волос упали на его лоб, создавая лёгкую тень, которая подчёркивала его спокойное лицо, чистое, как лёд. Он повернулся к нему, в его глазах мелькнуло беспокойство, а на щеках появился лёгкий румянец, и он с некоторым сомнением сказал:

— Улэй, ты любишь детей?

Цзюнь Улэй, всё ещё погружённый в свои мысли, не сразу понял, что он имеет в виду, и просто смотрел на него.

— Если однажды у тебя будет... ну, ребёнок, ты хотел бы мальчика или девочку? — Его взгляд был полон какого-то странного ожидания.

— Ребёнок? Я... никогда об этом не думал. — Цзюнь Улэй чувствовал себя неловко под его взглядом и отвел глаза, думая, что предположение Хуа Фэйбая было слишком неожиданным.

— Улэй, однажды ты вырастешь... и женишься. — Хуа Фэйбай опустил глаза, его лицо было скрыто.

— Я не женюсь, я хочу быть только с тобой! — Цзюнь Улэй поспешно возразил.

— Глупый, я говорю о том, когда ты вырастешь. Не торопись.

— Тогда... как будет, так и будет, мне всё равно.

— Мальчик или девочка, всё равно? — Хуа Фэйбай опустил голову, бормоча что-то себе под нос, и его лицо расслабилось, будто он с облегчением вздохнул.

<http://bllate.org/book/15278/1348694>